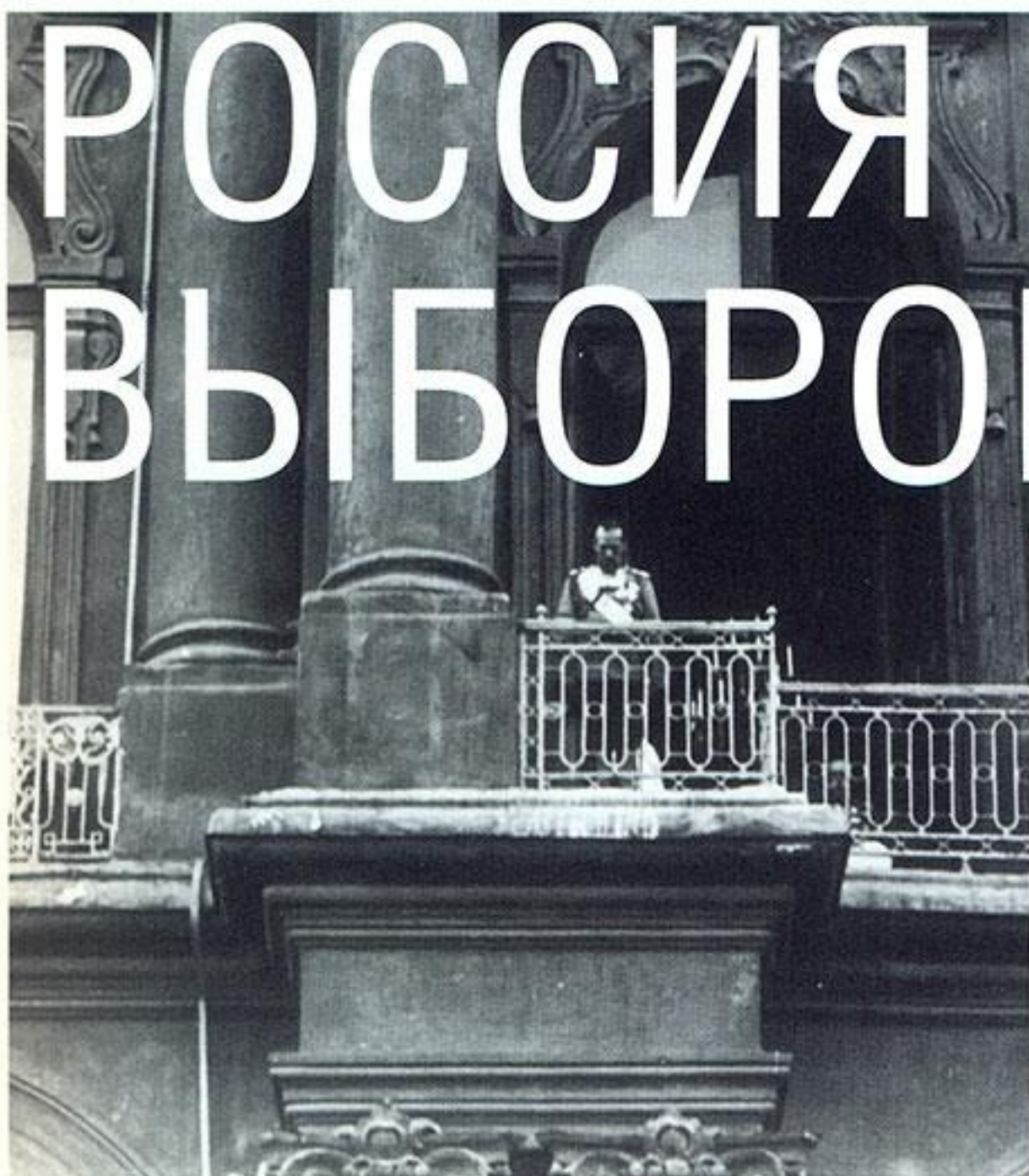

В. К. Шацилло,
доктор исторических наук

АВГУСТ. 1914:

РОССИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Великая война

Император Николай II объявляет войну Германии с балкона Зимнего дворца. 20 июля (2 августа) 1914 года

Фоторепортаж об убийстве в Сараево эрцгерцога Фердинанда.
Журнал «Искры». 1914 год

В этом году многие европейские столицы отмечают 100-летие с начала Первой мировой войны. При солидной финансовой и моральной поддержке правительств исторические музеи в Лондоне и Париже, Вене и Берлине готовят новые экспозиции, маститые историки завершают монументальные труды. Открытые источники позволяют дать новые ответы на старые вопросы: что вызвало мировой конфликт, кто виноват в его разжигании, можно ли было его предотвратить, какие цели ставили перед собой участники противоборствующих коалиций?

Неподдельный интерес к событиям 1914–1918 годов вполне объясним. По своим масштабам и геополитическим последствиям это столкновение не имело аналогов в предшествующей истории. Война длилась четыре с лишним года, охватив 38 стран с населением свыше 1,5 млрд человек. Более 10 млн было убито, 20 млн ранено, из них 3,5 млн остались калеками. С лица земли были стёрты сотни европейских городов и тысячи сёл, четыре империи —

Российский плакат начала войны

Немецкая сатирическая карта Европы. 1915 год

Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская — прекратили своё существование.

Вплоть до сентября 1939 года эти события почти во всём мире назывались «Великой войной», а её жертвам и участникам в больших и малых городах Европы и Америки стоят многочисленные монументы, к которым каждый год 11 ноября приходят отдавать дань памяти потомки.

В нашей стране к событиям 1914–1918 годов отношение было особое. В СССР война именовалась не «Великой», а «Империалистической», не существовало ни одного памятника её жертвам, в исторических музеях не было ни одной экспозиции, а имена российских героев были преданы забвению. Это притом, что Россия потеряла своих солдат и офицеров больше всех других стран, за исключением воевавшей на два фронта Германии...

Изучение Первой мировой возродилось в последние два десятилетия: появились научные и популярные издания, в музеях стали открываться экспозиции. Особенно жарко дискутировался геополитический выбор России накануне Первой мировой

войны. Какие цели преследовала империя в 1914 году? Был ли оправдан союз с Францией и Англией против Германии? Стоило ли «ворошить» балканский муравейник, где столетиями шла ожесточённая война всех против всех?

В первые годы Советской власти большевистский «Геродот» М. Н. Покровский объяснял войну намерением России захватить Константинополь и Черноморские проливы, что считал «альфой и омегой» её внешней политики (даже применительно к Русско-японской войне). Для доказательства он не брезговал ни прямыми подлогами, ни грубыми фальсификациями. Даже убийство Франца Фердинанда в Сараево, по его мнению, было спровоцировано русским Генштабом, чтобы втянуть Балканы в мировую войну и осуществить вековую мечту — водрузить российский флаг на стенах Царьграда [5, с. 128]. Германия и Австро-Венгрия были просто-таки вынуждены дать законный отпор воинственным устремлениям России, поддержанной на Балканах Великобританией и Францией...

Первый глава советского исторического сообщества пошёл куда дальше Ленина, признававшего равную ответственность всех империалистических держав за развязывание Первой мировой войны. И его версия была удобным оправданием позиции большевиков, с первых дней войны взявших курс на «превращение империалистической войны в войну гражданскую»: источником всех бед и невзгод военного лихолетья объявлялся царизм.

М. Н. Покровский. Фотография 1920-х годов

В начале 1930-х годов новая сталинская линия на восстановление государственности и утверждение национальных геополитических интересов заставила отказаться от этой фантастической теории. На смену ей пришла другая — о том, что накануне Первой мировой войны Россия якобы была «полуколонией» Англии и Франции, не способной строить собственные планы. Ответственность за войну с России снималась, но — ценою признания её подчинённого положения в Европе. Это должно было создать выгодный контраст с независимой Советской Россией, идущей в авангарде человечества. «Империалистическая» война в этом ракурсе выглядела исключительно как пролог Великого Октября и объяснялась стремлением международной буржуазии помешать всемирной пролетарской революции. Была ли для Германской империи это задача актуальнее, чем завоевать «место под солнцем», а для Австро-Венгрии — чем подчинить всех южных и западных славян и вытеснить Россию с Балкан? Вряд ли...

Отечественным историкам с конца 60-х годов прошлого века пришлось немало потрудиться, чтобы доказать, что царская Россия была полноценной великой державой и проводила хорошую или плохую, но самостоятельную внешнюю политику. Российские историки и общественные деятели всё чаще говорят о непродуманности внешнеполитической стратегии накануне Великой войны. Фатальной ошибкой, по мнению некоторых, была ставка на союз с европейскими демократиями — Францией и Англией в ущерб дружеским отношениям с более близкими по духу Габсбургами и, особенно, Гогенцоллернами. Некоторые даже полагают, что Первая мировая война была не чем иным, как результатом «англо-саксонского» заговора, призванного стереть

великую Россию с политической карты мира.

В качестве доказательств нередко приводятся мысли, высказанные видным российским государственным деятелем П. Н. Дурново из «Записки» на имя Императора в феврале 1914 года:

«...Англо-русское сближение [...] в будущем неизбежно сулит нам вооружённое столкновение с Германией [...] При таких условиях борьба с Германией представляет для нас огромные трудности и потребует неисчислимых жертв [...]

Жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств [...]

Не следует упускать из вида, что Россия и Германия являются представительницами консервативного начала в цивилизованном мире, противоположного началу демократическому, воплощаемому Англией и, в несравненно меньшей степени, Францией [...]

...при исключительных условиях надвигающейся общеевропейской войны, таковая, опять-таки независимо от её исхода, представит смертельную опасность и для России, и для Германии. По глубокому убеждению [...] в побеждённой стране

неминуемо разразится социальная революция, которая, силою вещей, перекинется и в страну-победительницу [...]

Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма [...]

Тройственное согласие — комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примирённой с последнею Францией и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японии...» — завершает свою записку Дурново [2].

Отдавая должное несомненному дару предвидения, трудно согласиться с основным выводом автора. Документы из немецких архивов, с которыми имел возможность ознакомиться и автор этих строк, неопровержимо свидетельствуют, что Германия сама выбрала экспансию на Восток. Её стратегия предусматривала отторжение от Российской империи значительной территории западных губерний и навязывание ей крайне невыгодного, если не сказать кабального, торгового договора.

Патриотический плакат времён войны

Это, собственно, и было самым наглядным образом подтверждено в Брест-Литовске в марте 1918 года. Даже когда судьба самой Германии висела на волоске, немецкие государственные и политические деятели выпили не один ящик шампанского в честь того, что им наконец-то удалось отбросить варварскую Россию к допетровским границам. В Берлине никто не тешил себя консервативно-монархическими иллюзиями, здесь руководствовались исключительно понятиями национального интереса. Нашей стране была уготована участь даже не младшего партнёра, а аграрно-сырьевого придатка Второго рейха, призванного обслуживать потребности германских бюргеров. Союз Германии и России был возможен только на условиях фактического отказа последней от своего суверенитета.

Конечно, нельзя полностью отождествлять политику руко-

водства Берлина с позицией крайних пангерманских кругов. В военно-политической верхушке и накануне войны, и в её разгар, шла острейшая борьба по поводу отношений с Россией, её роли и места в будущей новой Европе. Немалое число дипломатов и военных, особенно из военно-морской элиты, полагали, что главным врагом Второго рейха является владычица морей Британия, которая уже много десятилетий мешает занять немцам достойное «место под солнцем». Но даже они не видели в России равноправного союзника. В определённой степени Германия стала заложницей своего младшего партнера, Австрии, которая после аннексии Боснии и Герцеговины вступила с Россией в неразрешимый конфликт.

Начало войны в России было отмечено патриотическим подъёмом, но в целом страна «избежала той волны

П. Н. Дурново

националистической истерии, которая захлестнула в августе 1914 года Берлин, Вену и Париж» [3, с. 360]. В Петербурге не требовали «приращения» территорий, не выдвигали экономических или финансовых претензий. Война выглядела для российского общества как оборонительная и справедливая. На страницах российской прессы она стала именоваться Второй Отечественной, многим в ней виделось великое столкновение славянства и тевтонства, широкой русской души и агрессивного германского варварства.

Лишь доморощенные обличители царизма из числа рьяных приверженцев Ленина и самые отчаянные русофобы из западных столиц могли повторять, что войну спровоцировала Россия, стремясь захватить Черноморские проливы и Константинополь. (Примечательно, что на Западе об этом вспомнили после недавнего возвращения Крыма и Севастополя в состав России.) Обвинения совершенно беспочвенные, поскольку накануне войны Россия не ставила целью захват Проливов. Напротив, царская дипломатия добивалась образования на Балканах военно-политического союза балканских государств включая Османскую

Российский плакат, посвящённый блоку Антанты. 1914 год

ФРАНЦИЯ
 ЛЮБОВЬ в ней чистая горитъ
 Къ земль родимой и народу,
 Объята ею — отразитъ
 Она тлелую неволю...

РОССИЯ
 Въ ней ВѢРА глубока; тревога
 Не поколеблема юнучья
 Святая Русь во имя Бога
 Спершають свой побѣднй путь...

АНГЛІЯ
 НАДЕЖДА въ ней всегда живетъ
 На мощь, величье Россіи
 Съ ЛЮБОВЬЮ, ВѢРОЮ иль
 Она на бой и къ зову
 Оломитъ надменный стѣпъ...

империю [4, с. 49]. Лишь после вступления Турции в войну на стороне Центральных держав выход к Проливам стал вновь актуален. Этот лозунг, однако, подразумевал всего лишь право России участвовать в регулировании режима судоходства на Чёрном море.

Важно понять и другое. Превращение Балкан в горячую точку Европы невозможно объяснить геополитическим соперничеством ведущих держав. Молодые национальные государства сами стремились достичь преобладания на полуострове, потеснить соседей и занять первое место под горячим балканским солнцем. Венценосные правители балканских государств были вполне самостоятельными игроками и могли перепутать стратегические планы любой великой державы, в том числе и России. Именно так поступил черногорский король Николай, когда против желания Санкт-Петербурга объявил 8 октября 1912 года войну Турции, или «маленький Наполеончик» болгарский царь Фердинанд I Кобург-Сакский, который в июне 1913 года вопреки предупреждениям из многих европейских столиц развязал межсоюзническую войну на Балканах.

Наконец, невозможно игнорировать морально-нравственный фактор в российской по-

литике на Балканах. Оставить Сербию на верную гибель означало не только нанести ущерб имперским интересам, но и попортить давние традиции славянской и православной солидарности, подорвать авторитет правительства в стране и за её пределами [1, с. 71]. Готовы ли были широкие круги российской общественности спокойно смотреть, как Австро-Венгрия «наводит порядок» на Балканах, хладнокровно «решая проблемы» со своими заклятыми врагами — сербами и черногорцами? Как выглядела бы после австрийской аннексии Сербии и Черногории Россия? Добавило бы такое «миролюбие» ей авторитета, осталась бы она в числе великих держав?

Безусловно, потеряв 9 лет назад флот и не успев ещё восстановиться после унижительных поражений на сопках Маньчжурии, Россия не стремилась к обострению ситуации. Но в августе 1914 года у неё не оставалось поля для дипломатического маневра. Сохраняя нейтралитет в грядущей европейской войне, она в лучшем случае превратилась бы в сателлита Германии, распрощавшись с ролью великой державы. Национальная экономика страны, в которой огромное место принадлежало французскому, бельгийскому, британскому капиталу, рухнула бы. В худшем

случае, очередь России наступила бы после неизбежного военного разгрома Франции. В какой роли предпочитали увидеть нашу страну победители, какие границы определили бы ей в Берлине, можно очень хорошо представить, ознакомившись со статьями Брестского мирного договора.

Не подлежит сомнению, что инициатива разрыва с Россией исходила из берлинских кабинетов. После отставки канцлера О. Бисмарка и коронации кайзера Вильгельма II там сделали скороспелый вывод, что в союзе с Австро-Венгрией и Италией Германия в состоянии будет вести победоносную войну на два фронта — против Франции на Западе и России на Востоке. Страх «окружения» уже не преследовал германских политиков, а потому отпала и заинтересованность в поддержании добрососедства с Россией.

Ставка на Антанту давала России, пусть и призрачную, возможность сохранить себя в качестве одного из основных игроков на международной арене. И трудно предсказать, как сложилась бы судьба страны, если бы не события 1917 года. Ей оставалось продержаться всего несколько месяцев, чтобы выйти из войны с триумфом. В том, что получилось иначе, сложно винить наших союзников. Судьба Российской империи была решена самими её гражданами, но не на полях сражений, не за столом переговоров с противником, а в собственном тылу, на улицах бунтующего Петрограда.

Литература и источники

1. Виноградов В. Н. Ещё раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 71.
2. Красная новь. 1922. № 6.
3. Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.
4. Писарев Ю. А. Новые подходы к изучению Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 49.
5. Покровский М. Н. Империалистическая война. М., 1931.

Офицеры штаба Гинденбурга встречают на перроне Бреста прибывшую делегацию РСФСР. 1918 год